

ОТ «МОСКВОЦЕНТРИЗМА» К «ПОЛИЦЕНТРИЗМУ»: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ А. А. ЗИМИНА

В статье рассматривается эволюция научных взглядов историка А. А. Зимина. Главное внимание уделяется вопросу о том, каким образом этот процесс отражен в историографических в схемах, предложенных С. М. Капитановым и В. А. Муравьевым. Исследование показало, что выработанный этими историографами подход наиболее полно и четко отражает развитие взглядов А. А. Зимина.

Ключевые слова: «москвоцентризм», «полицентризм», эволюция научных взглядов, марксизм, позитивизм, централизация Русского государства, социально-экономическая история, социально-политическая история, цикл монографий, «феодалная война».

Стержневой темой в творчестве А. А. Зимина, безусловно, является процесс централизации Русского государства. Взгляды ученого на ход этого процесса в первую очередь отражены в созданной им серии монографий, получившей название «Россия на пороге нового времени». В ней историк дал непрерывную картину социально-политической истории России с 1425 по 1598 гг. Необходимо отметить, что работа над этой серией заняла у него свыше 20 лет жизни. Нет ничего странного, что за это время представления автора о ходе российского исторического процесса претерпели немалые изменения. После публикации всех входивших в данную серию монографий встал вопрос о том, чтобы изучить эволюцию взглядов ученого, обобщить полученные от анализа сведения и представить их в виде четкой и простой в использовании схемы.

Первую подобную попытку предпринял В. М. Панеях¹. В своей статье он сделал вывод об «отходе А. А. Зимина от социологического догматизма» и его «возвращении к некоторым плодотворным традициям прошлого» в «Витязе на распутье», а именно к «прагматическому подходу», поясняя последнее как реализацию в его позднем творчестве идеи А. Е. Преснякова «о рассказе, который основывается на эмансипации факта как такового, восстановлении <...> прав источника и факта, получающих более полное и существенное значение вне подчинения какой-либо заранее установленной схеме, их подбора, анализа и построения вне зависимости от историографической традиции»². Недостаточность подобного объяснения видна невооруженным глазом. Формулировки аморфны, расплывча-

ты. Историограф коснулся не представлений А. А. Зимина о ходе исторического процесса, а, скорее, методов обращения ученого с историческими фактами.

Новое прочтение проблемы дал Д. М. Володихин³. Он связал развитие взглядов А. А. Зимина с его отношением к марксизму. В первых работах А. А. Зимин, по мнению данного историографа, оставался в рамках марксистского подхода к истории. Доказывается это его представлениями о классовой борьбе и экономическом факторе как основной движущей пружине исторического процесса. С 1964 г. в трудах историка, как считает Д. М. Володихин, «экономическое обоснование политических процессов практически исчезает со страниц работы, классовая борьба оказывается где-то на далеких задворках» и появляется мысль о «саморазвитии социально-политической ситуации в Московском государстве», что дает историографу право говорить о переходе А. А. Зимина к позитивистской методологии. Продолжающие существовать в его монографиях марксистские термины и цитаты из основоположников марксизма-ленинизма играют роль «ширмы», «елочных игрушек». Если их убрать из работ, которые историк публикует начиная с 1964 г., «то, что останется, будучи опубликованным в начале XX в. в России <...> не вызвало бы никакого удивления в смысле методологии: прекрасно выдержанный позитивизм в стиле Бурдо». А в постепенном, последовательном изложении фактов социально-политической истории в книге «Витязь на распутье» Д. М. Володихин видит «плоть от плоти научного метода С. М. Соловьева». Таким образом, А. А. Зимин «от марксизма перешел к позитивизму, и далее

– к гегельянскому стилю Соловьева в своем историописании». Он «проделал эволюцию, обратную той, которую российская историческая наука прошла в XIX–XX вв.»⁴

Как и Д. М. Володихин, развитие взглядов А. А. Зимина с его постепенным отходом от марксизма связывает А. М. Дубровский⁵. Впрочем, окончательное освобождение историка от марксизма он видит лишь в «Витязе на распутье». Все предыдущие книги, с его точки зрения, вполне вписываются в марксистские представления об истории. Доказывая это, А. М. Дубровский идет вслед за А. А. Зиминим и использованными историком цитатами из В. И. Ленина. В последний период творчества историк большое внимание уделял вопросам социальной психологии, менталитета, что позволило историографу говорить о сближении ученого с нарождающейся в то время исторической антропологией.

Обе вышеприведенные точки зрения представляются весьма уязвимыми. Во-первых, не ясно, почему наличие цитат из «классиков» в трудах историка А. М. Дубровский считает вполне надежным доказательством приверженности А. А. Зимина марксизму. Советский историк обязан был подтверждать положения своей работы соответствующими цитатами, что отнюдь не должно означать его приверженности марксизму. С равной степенью вероятности мы на подобных основаниях можем зачислить в число гегельянцев любого ученого, который подчеркнул бы сходство своих взглядов с идеями С. М. Соловьева и подтвердил это соответствующей цитатой. Д. М. Володихин, видящий возможность их превращения в «елочные игрушки», ближе к истине. Но почему «снимать» их он начинает лишь с работ, вышедших в свет после 1964 г.? Если проделать это с «Реформами Ивана Грозного», получится текст, который вполне мог бы быть написан любым дореволюционным историком, разделявшим идею противостояния боярства и дворянства как своего рода стержневое явление отечественной истории (тот же С. Ф. Платонов, например). Кроме того, А. А. Зимин уже в 1940-е гг. весьма критично относился к марксистской философии. Он предпочитал ей идеи таких мыслителей, как Ф. Ницше, О. Шпенглер, В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин, Н. А. Бердяев, славянофилов⁶, что явно не свидетельствует в пользу данной точки зрения. Весьма «подозрительно» с учетом вышеуказанных обстоятельств выглядит

и его увлечение творчеством дореволюционных историков, а именно В. О. Ключевского, которое стало объектом его тщательного изучения. Опять же, не ясно, почему Д. М. Володихин видит в последовательном хронологическом изложении исторических фактов атрибут непременно гегельянской методологии? Неужели подобная манера изложения не может присутствовать в работах историков позитивистского или марксистского толка?

Более правомерной представляется точка зрения историографов С. М. Каштанова⁷ и В. А. Муравьева⁸. Согласно первому, А. А. Зимин «постоянно эволюционировал в сторону все большего отказа от той концепции <...> которая сводилась к признанию роста Москвы и образования централизованного государства абсолютным благом»⁹. Данный подход историограф окрестил «москвоцентризмом», полагая, что оформился он не у историков-марксистов, а в рамках так называемой государственной школы и затем перешел в советскую историческую науку. В «Реформах Ивана Грозного» А. А. Зимин выступает в качестве типичного «москвоцентриста». Но в своих последующих работах он отходит от ряда положений, связанных с «москвоцентризмом». Научные изыскания приводят ученого на последнем этапе творчества к тому, что В. А. Муравьев назвал «полицентрическим» подходом. В попытке связать развитие взглядов А. А. Зимина с его отношением к марксизму С. М. Каштанов видит ошибку. А. А. Зимин, считает этот историограф, всегда придерживался позитивистского взгляда на исторический процесс, лишь умело маскируя его цитатами из основоположников марксизма-ленинизма. Только диалектический метод исследования сближал его с марксизмом. Таким образом, эволюция взглядов А. А. Зимина представляется этими историографами в качестве постепенного оживления «москвоцентрических» построений дореволюционных историков и выработки собственного, «полицентрического» подхода к российской истории.

В данной точке зрения также можно увидеть свои слабые стороны. Так, еще не вполне изучен вопрос о влиянии идей дореволюционной историографии на развитие советской исторической науки. Вопрос об отношении историка к марксизму чрезвычайно сложен и требует более обстоятельного изучения, с привлечением помимо научных работ и иных

видов источников. Историографы в вышеуказанных работах не представили тщательного анализа процесса эволюции взглядов А. А. Зимина, ограничились общими формулировками, не проиллюстрировав свои выводы конкретными доводами. В. А. Муравьев не дал определения им же самим выдвинутого термина «полицентрический подход».

И все же, несмотря на вышеуказанные недостатки, данная точка зрения представляется весьма любопытной, достойной обстоятельного рассмотрения и проверки. В центре внимания А. А. Зимина находилось становление Русского централизованного государства, значит, и эволюцию взглядов историка следует связывать с его представлениями о ходе процесса централизации. Именно на этом и основана схема Каштанова-Муравьева. В таком случае попробуем проанализировать эволюцию взглядов А. А. Зимина, отталкиваясь от данного С. М. Каштановым определения «москвоцентризма».

Итак, «москвоцентризм» исходит из двух базовых тезисов: прогрессивном характере централизации государства и положительной роли Москвы в этом процессе. Из этих двух изначальных предпосылок вытекает немало следствий. Москва и великокняжеская власть представляется единственно возможным центром объединения русских земель. Любой ее противник автоматически превращается в представителя дезинтегрирующих сил, желающих сохранения порядков времен феодальной раздробленности, обреченного на провал борца с прогрессом. Так как действительно серьезных соперников у великокняжеской власти в таком случае просто не существовало, то и степень централизации Русского государства исследователи неосознанно стремятся существенно завысить. Прогрессивный характер процесса централизации оправдывает любые жертвы, любые репрессивные меры, исходящие от великого князя. Борьба с децентрализующими силами рассматривается как основной движущий фактор исторического процесса. До объединения русских земель великий князь сражается в первую очередь с внешними своими врагами (другие князья), после объединения – с внутренними (боярство). В качестве верной опоры великокняжеской власти, олицетворения прогрессивных сил централизации государства историки традиционно видят дворянство.

На раннем этапе творчества для

А. А. Зимина характерно стремление к компромиссам, принятие устоявшихся на тот момент в науке схем, концепций. Историк решается лишь на внесение корректив к отдельным их положениям. Это прекрасно видно на примере монографии «Реформы Ивана Грозного»¹⁰, первой среди вошедших в цикл «Россия на пороге нового времени». В основных ее положениях А. А. Зимин явно следует вслед за своим учителем С. В. Бахрушиным¹¹. Русское государство ко времени вступления на престол Ивана IV видится историку в качестве «централизованной монархии»¹². При этом, впрочем, подчеркивается наличие многочисленных пережитков феодальной раздробленности. Реформы Избранной рады трактуется как проявление компромисса между боярством и дворянством. В ходе реформ бояре поступаются частью своих привилегий, при этом сохраняя свое высокопоставленное положение в сложившейся общественной иерархии. Необходимость компромисса диктовалась обострившейся классовой борьбой и, как следствие, потребностью в консолидации господствующего класса. Все эти положения можно в том или ином виде найти в трудах С. В. Бахрушина.

Но А. А. Зимин делает к уже сложившейся концепции реформ, данной его предшественником, ряд корректив, приводит факты, четко в нее не укладывающиеся. Правительственный орган, проводящий реформы в жизнь, состоял, согласно изысканиям ученого, из представителей знатных княжеских и боярских родов. Секуляризации церковного имущества, попытки которой отмечал А. А. Зимин, желало как дворянство, так и боярство. Земская и губная реформа проводились в первую очередь в интересах верхов посада и зажиточного крестьянства. События 1553 г., ранее рассматривавшиеся как боярский мятеж или тайный заговор, оказались лишь толчками в Боярской думе, причем в защиту линии на дальнейшую централизацию государства выступили и представители старомосковского боярства. Уложение 1555–1556 гг. регламентировало службу дворян-помещиков так же, как и бояр-вотчинников, а в результате проведения в жизнь всего комплекса военных реформ повышается доля боярского ополчения в российской армии. Все это противоречило идее о противостоянии боярства и дворянства как основной причины проведения реформ. Немалые коррективы ученый вносит и в соб-

твенное утверждение о России как «централизованной монархии». Государственный аппарат в его изображении выглядит аморфной, рыхлой системой, большим и громоздким, со слабо контролируемым из центра местным управлением. Приказы, время возникновения которых ранее относилось к правлению Ивана III, по мнению А. А. Зимина появились лишь в ходе реформ Избранной рады. Земская и губная реформа, призванная ограничить произвол наместников на местах, охватила лишь отдельные регионы России, причем в ряде мест правительство ее впоследствии свернуло.

Коррективы, внесенные А. А. Зиминим в прежде четкую концепцию С. В. Бахрушина, делают ее внутренне противоречивой, неустойчивой, подготавливая его дальнейший отказ от нее.

Вскоре меняется историографическая ситуация. Публикуется книга М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии». В ней историк на основе большого количества конкретно-исторических примеров показал, насколько огромным было различие в социально-экономическом развитии различных частей страны. М. Н. Тихомиров сделал вывод о том, что даже в XVI в. «централизация существовала только в виде власти великого князя как государя; присоединенные же земли сохраняли старые обычаи, жили своей обособленной жизнью»¹³. Еще через год издали работу С. Б. Веселовского, около 20 лет пролежавшую в личном архиве исследователя¹⁴. Академик в ней убедительно опроверг тезис об антибоярской направленности опричнины. Вошедшие в нее земли не имели крупного вотчинного землевладения, значит, выселения оттуда не могли стать серьезным ударом по боярству. Все эти работы наносили серьезный удар по прежней концепции формирования Русского централизованного государства.

Происходит и перемена в самом характере А. А. Зимина. Он уже менее склонен к компромиссам, готов отстаивать свои убеждения даже в противовес большинству научной общности. Внешним проявлением этого стала позиция ученого, которую он занял в ходе так называемого обсуждения его монографии «Слово о полку Игореве»¹⁵. Его видение истории создания данного литературного памятника подверглось резкой критике со стороны большей части научного сообщества, в напечатании книги ему было отказано. Предложение написать покаянное письмо он

отверг. Взгляды свои А. А. Зимин не поменял. Несмотря на оказанное противодействие он добился публикации отрывков из своей монографии в ряде центральных изданий. Менее всего это напоминает поведение конформиста, непрерывно идущего на уступки.

В 1964 г. выходит в свет новая монография А. А. Зимина «Опричнина Ивана Грозного»¹⁶, ознаменовавшая полный разрыв историка со всеми своими прежними представлениями о ходе процесса централизации Русского государства.

Во-первых, А. А. Зимин полностью отвергает концепцию антибоярской направленности опричнины, внося свою «скромную» лепту в дело критики этой точки зрения. Выяснение персонального состава лиц, пострадавших от репрессий в первый год после введения опричнины подвело исследователя к выводу о том, что в первую очередь пострадали от них те, кто в 1553 г. предложили Владимира Андреевича Старицкого в качестве наследника престола вместо малолетнего сына Ивана IV Дмитрия. Следовательно, это было превентивное мероприятие, призванное подорвать влияние старицкого князя среди московской аристократии. Первые репрессии, таким образом, были направлены не против класса бояр или князей как таковых, а лишь против его части, поддерживавшей интересы брата царя. В результате анализа писцовых книг историк сделал вывод о том, что массовые выселения с опричных земель попросту не имели места. После разделения страны на опричнину и земщину все повседневное управление и суд в последней перешло в ведение Боярской думы, следовательно, роль бояр в государственном аппарате лишь возросла. Численность прослойки князей в этом органе за годы опричнины не изменилась. Крупнейшие княжеско-боярские роды в ходе опричнины не пострадали¹⁷. Таким образом, утверждение об извечном антагонизме между владельцами вотчин и владельцами поместий как двигателе процесса развития Русского государства историк на основании анализа опричных мероприятий отверг.

Во-вторых, А. А. Зимин отказался от завышенной оценки степени централизации Русского государства. Процесс его сложения, как то теперь полагал историк, не был завершён ко времени правления Ивана IV. Для того, чтобы оно стало реальностью, царской власти необходимо было покончить с господству-

ющей в стране удельной децентрализацией. Это означало, что А. А. Зимин признавал наличие в России XVI в. **социальных институтов**, неподконтрольных царской власти и даже способных составить ей конкуренцию. Иначе говоря, ученый признал полицентризм власти в средневековой России. Централизация государства означала уничтожение и подчинение этих институтов. Опричнина, являвшаяся шагом по направлению к созданию централизованного государства, по своей сути, считал А. А. Зимин, была мерой, направленной против трех таких институтов, а именно: старичьего удела и его владельца князя Владимира Андреевича, Русской Православной Церкви, Новгорода.

В-третьих, несмотря на то, что сам процесс централизации оценивается как явление прогрессивное, историк ставит вопрос соотношении цели и средств. Деспотичные методы претворения цели в жизнь привели к появлению государства с явной деспотической окраской. Уродливые методы привели к уродливому результату.

В этой монографии наблюдается явный отход А. А. Зимина от части «москвоцентрических» положений. Историк порвал с такой чертой «москвоцентризма», как стремление завязать степень централизации государства. Отсюда и признание полицентрического характера власти в средневековой России. Основное внимание уделяется не противоречиям внутри правящего слоя (господствующего класса), а конкуренции различных социальных институтов. Стержнем исторического процесса становится борьба царской власти с удельной децентрализацией, постепенное подчинение и уничтожение царем своих соперников. Централизация оценивается как прогрессивное явление, противники царя выглядят обреченными на провал, но появление вопроса о соотношении цели и средств свидетельствуют о том, что централизованное государство уже не рассматривается в качестве абсолютной ценности.

А. А. Зимин был болезненным человеком. В студенческие годы он не попал на фронт из-за туберкулеза. Последствия болезни давали о себе знать всю последующую жизнь. В 1970-е гг. состояние здоровья А. А. Зимина резко ухудшилось. По словам его друга Я. С. Лурье сначала историка лечили от бронхита, но потом диагностировали пневмосклероз¹⁸. А. А. Зимин понимал, что жить ему

осталось немного. К какому-либо радикальному лечению он не прибегал, от оперативного вмешательства отказался¹⁹. Александр Александрович медленно угасал, что не было секретом ни для окружающих, ни для него самого.

И в то же время физическое угасание ученого совпадает с его творческим расцветом. За период 1974–1980 гг. он написал 11 книг, из них 8 научных монографий, одна научно-популярная книга, написанная в соавторстве с А. Л. Хорошкевич, два сочинения мемуарного характера. Помимо того, он составил пять сборников статей, куда вошли как опубликованные ранее, так и неопубликованные работы²⁰. А. А. Зимин работает с умопомрачительной скоростью. Столь гигантскую самоотдачу можно объяснить, пожалуй, именно ощущением приближающейся кончины. Лихорадочная работа позволяла ученому преодолеть ощущение надвигающейся смерти. И, пожалуй, самое главное – А. А. Зимин стремился подвести итоги своей жизни, как научной, так и личной, приватной (отсюда и составлением им двух мемуарных работ). Ученый вновь задумывается над своими взглядами на исторический процесс. Здесь, кстати, важно отметить и тот факт, что историка уже в меньшей степени заботит проблема опубликования его работ, для него важно уже не столько опубликовать, сколько элементарно успеть их окончить, написать. А. А. Зимин творит в первую очередь для себя самого, а не для потенциального читателя. Отсюда вытекает и та внутренняя свобода, раскрепощенность, с которой сталкиваешься при чтении его последних книг, та решимость, с которой он порывает с устоявшимися в науке традиционными установками, мнениями. А желание подвести итоги своей жизни и научной деятельности приводит к очередной переоценке своих взглядов. Ярче всего это проявилось в последнем из завершенных А. А. Зиминим монографических исследований, книге «Витязь на распутье»²¹. Оно столь резко противостояло устоявшимся на тот момент историческим концепциям, что опубликовать его смогли лишь в 1991 г., когда уже рухнула жесткая советская система идеологического контроля над наукой.

А. А. Зимин на этот раз обращается к событиям первой половины XV в., более известным в историографической традиции под термином «феодалная война»²². Обычно это явление рассматривалось как своего рода ре-

шающая битва московского великого князя Василия II с силами децентрализации России, возглавляемыми галицкими князьями. Победа Москвы расчистила путь к созданию централизованного государства. Причем победа эта была изначально предreshена благодаря сочетанию ряда объективных факторов, в основном географического и экономического характера, которые способствовали ее постепенному возвышению.

Но детальный разбор А. А. Зиминим выделяемых предшественниками факторов возвышения Москвы показал, что многие из них не соответствуют действительности. Удобных торговых путей в этом регионе не было. Богатыми природными ресурсами Московское княжество не располагало. Неоднократно Москва подвергалась набегам татар, значит, говорить о ней как о надежном убежище от иноземных набегов, что якобы способствовало активному притоку мигрантов, тоже неправомерно. Не стоит, по мнению А. А. Зимина, и преувеличивать роль Москвы в процессе сложения русской народности. Многие княжества располагались в более удобных географических условиях. Но если это так, то исход «феодальной войны» вовсе не был предопределен. Вполне возможным представляется объединение русских земель под эгидой любого иного княжества.

Подобный угол зрения кардинально меняет всю историю «феодальной войны». Противники великого князя становятся носителями централизаторских устремлений, соперничающих с Василием II за право объединить под своей эгидой русские земли.

А. А. Зимин идет в своих рассуждениях еще дальше. Русские земли в силу ряда географических факторов шли различными путями исторического развития. А. А. Зимин выделил три основных региона: хлебородный Центр, развивающийся по крепостническому пути развития; Север и часть Поволжья, шедшие по пути предбуржуазного развития; новгородо-псковский регион, живший за счет транзитной торговли. От того, вокруг какого княжества произойдет объединение земель, соответственно, зависело и то, по какому пути развития пойдет получившееся образование. Возможность реализации, по мнению А. А. Зимина, была лишь у двух первых вышеуказанных тенденций. Именно их столкновение и стало причиной «феодальной войны».

Победа Москвы в «феодальной войне» означала, что страна в дальнейшем пойдет по крепостническому пути развития. Для А. А. Зимина это – катастрофа. Из двух возможных на то время вариантов развития был реализован наихудший.

Но почему А. А. Зимин предпочитает предбуржуазный путь развития крепостническому? Проще всего на его месте было бы сказать, что крепостнический вариант развития означал создание малоэффективной системы социально-экономических отношений, которая в дальнейшем предопределила отставание России в своем развитии от передовых государств мира. Но А. А. Зимин об этом не упоминает. Наоборот, ученый пишет о положении России в конце XV в.: «Страна вроде бы благоденствует». Попытки пересмотра своего исторического пути, первые критические замечания в адрес этой системы появятся тогда, когда «много лет спустя» люди «начнут убеждаться, что не хлебом единым жив человек». Следовательно, крепостническая система отношений в представлении А. А. Зимина вполне эффективна (во всяком случае, в рассматриваемый им период). Возражения историка вызывает та «плата», «которую весь народ <...> заплатил за царство благоденствия» – «утрача свободы»²³. «Свобода» для А. А. Зимина – ценность самодостаточная. Не «свобода» нужна для эффективного функционирования той или иной системы общественных отношений, но сама система должна быть построена так, чтобы в ней нашлось место для «свободы». Крепостничество менее всего подходило для этих целей.

Естественно, здесь можно видеть нравственный суд над самим ходом исторического процесса. Именно нравственный суд, так как «свобода» – категория в первую очередь морально-этическая. В личных записях историка, кстати, можно найти и следующие слова: «Историк не должен и не может внимать равнодушно добру и злу. Его назначение – творить суд совести. Иначе зачем же горит в нем искра бессмертия!»²⁴. В «Витязе на распутье» историк полностью реализовал это свое положение. Книга полна упреков и похвал в адрес отдельных исторических лиц, социальных групп, самого исторического процесса как такового.

Теперь, после рассмотрения концепции А. А. Зимина, имеет смысл сопоставить ее положения с господствовавшим тогда в исто-

рической науке «москвоцентрическим» толкованием тех же событий.

Для историка-«москвоцентриста» Москва в силу ряда объективных факторов является единственно возможным центром объединения всех русских земель. Все, кто борется с Москвой и великокняжеской властью, расцениваются как противники централизаторской политики великого князя и представители дезинтегрирующих сил, желающие сохранения старого удельного порядка. «Феодалная война» – битва сил интеграции и дезинтеграции страны, в ходе которой последним было нанесено серьезное поражение. После этого уже ничто не могло стать серьезным препятствием на пути объединения и дальнейшей централизации страны. Сам процесс централизации представляется не только объективно закономерным, но и прогрессивным по своей сути, несущим благо, хотя иногда и отмечаются его отрицательные стороны (например, усиление эксплуатации непосредственного производителя).

Теперь обратимся к концепции А. А. Зимина. Москва для него – лишь один из возможных центров объединения русских земель. Но разные части русских земель представляли собой разные тенденции исторического развития, а поэтому вопрос о будущем центре объединения русских земель одновременно являлся и вопросом о дальнейшем пути исторического развития получившегося объединения. Существовало две альтернативы: предбуржуазная и крепостническая. Противоборством двух этих альтернатив и стала «феодалная война». Победила Москва и крепостнический путь развития. С точки зрения А. А. Зимина, это – наихудшая из возможных альтернатив. В результате ее реализации была поострена система общественных отношений, необходимым элементом которой стал жесткий контроль за деятельностью каждого индивидуума. Так как централизация государства означает укрепление этой системы, то говорить о прогрессивном значении этого процесса не приходится. К реализации данного варианта развития привела победа Москвы и московского князя, а поэтому и о положительной роли Москвы в этом процессе говорить также нельзя.

Насколько концепция А. А. Зимина вписывается в «москвоцентрический» подход к истории? Как это прекрасно видно из их сравнения, основные ее постулаты противо-

речат стержневым положениям «москвоцентризма». А. А. Зимин создает новый подход, который в противовес «москвоцентризму» вполне можно назвать «полицентризмом» (термин В. А. Муравьева). Исходными постулатами данного подхода является признание полицентрического характера власти в средневековой Руси и многовариантности исторического процесса.

Итак, на настоящий момент наиболее полно развитие научных взглядов А. А. Зимина отражено в схеме историографов С. М. Каштанова и В. А. Муравьева. Обстоятельный анализ творчества историка, приведенный выше, подтвердил основные положения их работ. На раннем этапе своего творчества А. А. Зимин выступает в качестве типичного «москвоцентриста», хотя уже заметна его неудовлетворенность подобным подходом. Уже в «Опричнине Ивана Грозного» он отказывается от ряда второстепенных положений, связанных с «москвоцентризмом». В последней своей книге А. А. Зимин выстраивает картину начального этапа формирования Русского государства, полностью опровергающую основные постулаты «москвоцентризма». Историк выработал свой, оригинальный подход к отечественной истории, который вполне уместно назвать «полицентризмом».

Примечания

¹ Панеях, В. М. Панорама истории России XV–XVI вв. А. А. Зимина : к выходу в свет «Витязя на распутье» / В. М. Панеях // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 70–81.

² Там же. – С. 73, 78.

³ Володихин, Д. М. Очерк методологии А. А. Зимина / Д. М. Володихин // Вестн. ун-та Рос. Акад. образования. – 1996. – № 1. – С. 30–47.

⁴ Там же. – С. 39–41, 44–45.

⁵ Дубровский, А. М. Ученый и общая концепция отечественной истории / А. М. Дубровский // Россия в X–XVIII вв. : Проблемы истории и источниковедения : тез. докл. и сообщений Вторых чтений памяти А. А. Зимина. Ч. 1. – М., 1995. – С. 39–42; Дубровский, А. М. Александр Александрович Зимин : трудный путь исканий / А. М. Дубровский // Отечественная история. – 2005. – № 4. – С. 140–151; Дубровский, А. М. Историк и власть : историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики

- и идеологии (1930–1950) / А. М. Дубровский. – Брянск, 2005. – С. 701–718.
- ⁶ См. например: Дубровский, А. М. Александр Александрович Зимин... – С. 141–143; Дубровский, А. М. Историк и власть... – С. 704–707.
- ⁷ Каштанов, С. М. О методологии А. А. Зимина и его концепции опричнины / С. М. Каштанов // Историк во времени : Третьи Зиминские чтения. – М., 2000. – С. 97–99; Каштанов, С. М. К 80-летию А. А. Зимина / С. М. Каштанов // Археограф. ежегодник за 2000 г. – М., 2001. – С. 226–227.
- ⁸ Муравьев, В. А. А. А. Зимин : историк в контексте эпохи / В. А. Муравьев // Историк во времени. – С. 91–97; Муравьев, В. А. Александр Александрович Зимин / В. А. Муравьев // Историки России. Послевоенное поколение. – М., 2000. – С. 166–175.
- ⁹ Каштанов, С. М. К 80-летию А. А. Зимина... – С. 226.
- ¹⁰ Зимин, А. А. Реформы Ивана Грозного : очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. / А. А. Зимин. – М., 1960.
- ¹¹ См.: Бахрушин, С. В. Иван Грозный / С. В. Бахрушин. – М., 1942; 2-е изд. – М., 1945; Бахрушин, С. В. Самодержавие Ивана IV / С. В. Бахрушин. – М., 1946. Тезис С. В. Бахрушина о реформах первой половины царствования Ивана Грозного как проявлении компромисса между боярством и дворянством разделял и Б. А. Романов (См.: Романов, Б. А. Судебник Ивана Грозного : (По поводу исследования И. И. Смирнова) / Б. А. Романов // Ист. зап. – 1949. – Т. 29. – С. 200–235; Романов, Б. А. К вопросу о земельной политике Избранной рады (ст. 85 Судебника 1550 г.) / Б. А. Романов // Ист. зап. – 1951. – Т. 38. – С. 252–269; Романов, Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного / Б. А. Романов // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. – М., 1952. – С. 140–145; Романов, Б. А. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. // Ист. зап. – 1955. – Т. 52. – С. 325–335). Сквозь призму идеи противостояния боярства и дворянства оценивал мероприятия Ивана Грозного и И. И. Смирнов, но в отличие от С. В. Бахрушина и Б. А. Романова он, во-первых, отстаивал тезис об исключительно антибоярской направленности реформ Избранной рады; во-вторых, относил возникновение Русского централизованного государства к более позднему времени. См.: Смирнов, И. И. Иван Грозный / И. И. Смирнов. – Л., 1944; Смирнов, И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. / И. И. Смирнов. – М.; Л., 1958.
- ¹² Зимин, А. А. Реформы Ивана Грозного... – С. 191.
- ¹³ Тихомиров, М. Н. Россия в XVI столетии / М. Н. Тихомиров. – М., 1962. – С. 64–65.
- ¹⁴ Веселовский, С. Б. Исследование по истории опричнины / С. Б. Веселовский. – М., 1963.
- ¹⁵ Подробно о ходе обсуждения монографии А. А. Зимина см.: Формозов, А. А. Зимин А. А. Слово о полку Игореве (фрагменты книги) [вступ. ст.] / А. А. Формозов // Вопр. истории. – 1992. – № 6/7. – С. 96–103.
- ¹⁶ Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М., 1964.
- ¹⁷ Необходимо отметить, что данное утверждение практически сразу после выхода монографии А. А. Зимина подвергалось критике части исторического сообщества. См., например: Скрынников, Р. Г. Опричный террор / Р. Г. Скрынников. – Л., 1969.
- ¹⁸ Лурье, Я. С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине / Я. С. Лурье // Одиссей-1993. – М., 1994. – С. 207.
- ¹⁹ Каштанов, С. М. Александр Александрович Зимин / С. М. Каштанов // Портреты историков : Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. – М.; Иерусалим, 2000. – С. 384.
- ²⁰ Каштанов, С. М. Зимин Александр Александрович (1920–1980) / С. М. Каштанов, А. А. Чернобаев. Историки России. Биографии. – М., 2001. – С. 810, 812.
- ²¹ Зимин, А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. / А. А. Зимин. – М., 1991.
- ²² О термине см.: Алексева, С. В. О понятии «феодальная война» в отечественной историографии XX в. / С. В. Алексева // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2. История. – 2006. – Вып. 4. – С. 24–30.
- ²³ Зимин, А. А. Витязь на распутье. – С. 211.
- ²⁴ Зимин, А. А. Из неопубликованного / А. А. Зимин // Александр Александрович Зимин. Биобиблиографический указатель. – М., 2000. – С. 148.